

УДК 94(571)

DOI 10.17223/19988613/41/16

А.К. Идиатуллов

СИНКРЕТИЧНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ КУМЫКОВ И НОГАЙЦЕВ В НАЧАЛЕ XXI в.

Проанализированы общие тенденции отношения кумыков и ногайцев к исламу, язычеству, атеизму и христианству. В основу статьи легли данные интернет-опроса, публикации религиоведческого плана. Автор считает, что респонденты, особенно кумыкской национальности, демонстрируют высокий уровень первичной исламской религиозности. В ответах ногайских респондентов очевиднее проявляется полисинкретизм. Автор видит причины этих различий в том, что ногайцы расселены дисперсно, а также в общей либеральности ханафитского мазхаба, которого они придерживаются.

Ключевые слова: синкретичная религиозность; кумыки; ногайцы; ислам.

Широкое распространение синкретичной религиозности как характерного явления современной духовной жизни народов России традиционно связывают с воистину эпохальными переменами, произошедшими в нашей стране в 80–90-е гг. XX в. Распад Советского Союза, крушение экономических и социальных систем, невиданные доселе права и свободы, кризисные явления во всех сферах общества привели к трансформации старых и поступательному развитию новых идеалов и ценностей, к общей либерализации религиозной сферы, а также к глобализации и технизации культурного пространства. В условиях катастрофической неопределённости люди осознанно и неосознанно переживали индивидуальные кризисы и душевные коллизии, ставшие основой для их личностных и коллективных экзистенциальных и метафизических поисков [1. С. 3]. Все это вызывало вполне обоснованный интерес учёных к религиозности населения постсоветской России, в том числе в его новых, ранее не замеченных формах.

Ряд советских и российских учёных внес заметный вклад в осознание вышеназванных явлений и их специфику на почве отечественных духовных и религиозных культур. Часть из них рассматривала религиозность российских и советских народов в контексте проблемы синкретизма. Синкретичная религиозность – смешение, неорганическое слияние разнородных религиозных элементов [2. С. 3]. Ещё одно определение: «Синкретизм – объективный процесс слияния и взаимодействия генетически и типологически разных религиозных систем или их элементов и образование новой, целостной системы религиозного мировоззрения, мироощущения и культа со своей специфической структурой» [3. С. 7]. Нам наиболее удачным представляется определение синкретичной религиозности, предложенное Г.Е. Кудряшовым, в котором отсутствуют заведомо спорные утверждения о «неорганическом слиянии» элементов или о «новой, целостной системе». Согласно Г.Е. Кудряшову, под религиозным синкретизмом понимают диалектический процесс взаимосвязи, взаимовлияния и взаимопроникновения представлений и культовых действий, относящихся к различным религиозным системам [4. С. 17]. Тот же автор ввёл в науку понятие полисинкретизма, представляющего собой

многократное напластование различных религиозных культов и учений [Там же]. Думается, что применительно к народам поликультурного и многонационального Северного Кавказа данное понятие обладает немалым эвристическим потенциалом.

Анализировался религиозный синкретизм и Н.С. Капустиным, отделившим его от понятий эклектизма и ассимиляции [5]. В то же время, но в ином ключе рассматривал синкретичную религиозность И.Н. Яблоков [6]. В его работах она фигурирует как закономерный результат трансформации и даже аннигиляции религии в условиях социалистического общества. Надо сказать, что секуляризация религии в условиях новой России со сменой социальных и экономических отношений продолжает развиваться в отдельных случаях и вглубь и вширь, что подтверждает эвристический потенциал исследований И.Н. Яблокова, продолженных уже другими учёными [7].

В 1990-е гг. изучению религиозности населения России, в том числе синкретичной, посвящены работы М.П. Мчедлова [8], Е.А. Кублицкой [9] и З.И. Пейковой [10]. В них на материале социологических исследований показана религиозная ситуация в России, выявлено влияние антирелигиозной политики СССР, описаны неровности процесса ренессанса религий, который не всегда разворачивается только в русле традиционных религий.

Публикации 2000-х гг. продолжают констатировать наличие нетрадиционных религиозных представлений у части населения, в том числе у молодёжи [11–14]. Однако само понятие нетрадиционной религиозности подвергается всё чаще детальной и вполне заслуженной ревизии. Действительно, население России настолько дифференцировано по религиозному критерию, что даже понятие традиционной религиозности стало крайне расплывчатым и нередко подменяется религиозной и конфессиональной самоидентификацией. Отсюда весьма распространённое в современных социологических исследованиях православной религиозности понятие воцерковлённости [15], которое как бы нивелирует воздействие на отдельных верующих неправославных представлений.

Сходной позиции придерживается и американский религиовед Джереми Ганн [16. С. 202–205], выделивший три основные грани религии: религия как вера, религия как идентичность и религия как образ жизни (цит. по: [17. С. 25]). По его мнению, связь человека хотя бы с одной из выделенных граней дает возможность говорить о причислении человека к последователям конкретной конфессии. Получается, что верующие или ассоциирующие себя с православием, но являющиеся носителями тех или иных религиозных влияний неправославного толка рассматриваются как начальная стадия воцерковлённости, а не разновидность представителей синкретичной религиозности. В такой ситуации происходит размывание смысла и содержания православной веры и православного образа жизни [18. С. 86].

В поисках более адекватной оценки таких верующих Н.Н. Почепцов предлагает термин «религиозная субкультура», особенностью которой является ее связь с базовой или «материнской» традиционной культурой [19. С. 106–107]. Религиозная субкультура черпает свои основополагающие идеи или доктрины из традиционной религиозности, при этом формируя или привнося свой, новый элемент, который и отделяет ее от базовой религиозной системы. Этот взгляд весьма уместен при анализе синкретичной религиозности у этносов, традиционно исповедующих ислам, так как их конфессиональная идентичность чрезвычайно сильно переплелась с национальной, а заимствованные новые неисламские представления, как правило, сосуществуют как осознанно, так и неосознанно с традиционными представлениями. В нашей работе под синкретичной религиозностью мы как раз понимаем систему взглядов, представлений и мнений, зачастую разрозненных, отличающихся от принятых в традиционной религии изучаемых народов (в данном случае в исламе), которых придерживаются в том числе представители мусульманской субкультуры.

Цель статьи – рассмотрение синкретичных религиозных представлений кумыков и ногайцев. В основу работы легли данные интернет-опроса и ряд этнографических и социологических исследований по религиозности как данных народов, так и других тюркомусульман. Достоверность материалов, полученных с помощью опроса, обеспечивается тем, что участие в анкетировании возможно с каждого компьютера только один раз. Кроме того, интернет-опрос характеризуется высокой степенью релевантности, по сравнению с другими видами опросов, что особенно важно в контексте нашего исследования. Например, в ответах респондентов, как ожидается, будут реже встречаться происламские, социально-одобряемые варианты. И наоборот, над выбором ответов, не совпадающих с установками ислама, в этом случае не столь очевидно будут довольствоваться социальные ожидания. Всего в опросе приняли участие 48 кумыков и 42 ногайца (90 человек, из них 61 мужчина и 38 женщин; 15 лиц в возрасте 15–18 лет, 50 че-

ловек в возрасте 19–25 лет, 20 респондентов в возрасте 26–40 лет; 3 человека в возрасте 41–60 лет и 2 человека в возрасте 61 год и старше). И хотя выборку нельзя считать репрезентативной, на наш взгляд, данные, полученные в ходе опроса, могут дать некоторое представление о современном состоянии религиозности кумыков и ногайцев, особенно среди молодёжи. Дело в том, что вопросы анкеты учитывали не только религиозную самоидентификацию респондентов, но и были направлены на выявление степени вовлечённости опрашиваемых в исламскую, традиционную тюркскую, неязыческую и православную культуры.

Кумыки и ногайцы – народы тюркской группы алтайской языковой семьи, верующие которых традиционно исповедуют ислам суннитского толка. Этнокультурная и религиозная близость народов очевидна. Однако в контексте нашего исследования важно отметить, что есть и различия. Так, большинство кумыков – сунниты шафиитского мазхаба, а большинство ногайцев – ханафитского. По данным переписи 2010 г., численность народов насчитывает 503,1 и 103,7 тыс. человек соответственно, составляя 0,35 и 0,07% от населения страны. По этому показателю кумыки занимают восемнадцатое место среди всех народов России и пятое – среди тюркских народов, исповедующих ислам (после татар, башкир, казахов и азербайджанцев), а ногайцы – 40-е и 9-е места соответственно. Расселены кумыки весьма компактно, преимущественно в Республике Дагестан, а расселение ногайцев гораздо более дисперсное. Большинство ногайцев проживают в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае.

Надо сказать, что религиозность исследуемых народов неоднократно привлекала внимание этнографов и религиоведов. Синкретичные мотивы в публикациях, посвящённых религиозным представлениям кумыков [20] и ногайцев, прослеживаются с завидной регулярностью, что неудивительно. Дело в том, что ислам, проникнув в разное время к народам Северного Кавказа и столкнувшись с местными обычаями и традициями, не всегда уничтожал их, но в ряде случаев использовал себе во благо. Например, акт бракосочетания у кумыков осуществлялся по шариату, а остальная часть свадебного, равно как предсвадебного и послесвадебного, обряда – по кумыкским адатам [21. С. 16]. Такие многовековые контакты исламских и доисламских представлений приводили, в том числе, к возникновению синкретичных культов «исламизированного» шаманства [22]. Иногда языческие представления и обряды вовсе сохранялись в малоизменённом варианте. Многие архаичные обряды, канонизированные местными мусульманскими духовными деятелями, исполняются в кумыкской и ногайской среде и в настоящее время [23. С. 103].

Краткий историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительный вклад исследователей в рассмотрение различных проблем религиозного мировоззрения изучаемых

мусульманских народов Северного Кавказа, исследование полисинкретичных религиозных представлений у кумыков и ногайцев только начинается. Нам кажется правильным рассмотреть не только религиозную идентичность, связанную с традиционной религией данных народов (исламом), но также систему взглядов, представлений и мнений, отличающихся от принятых в исламе, которых придерживается хотя бы и незначительная часть респондентов. Иными словами, в нашей статье предпринята попытка выявления всего комплекса религиозных представлений кумыков и ногайцев, в том числе неисламского толка.

Анализ анкет показывает, что первичная религиозность опрошенных находится на очень высоком уровне. В частности, большинство респондентов относят себя к мусульманам и верующим (таблица). При-

чём, религиозность лиц в возрасте от 15 до 25 лет несколько ниже: среди них отнесли себя к верующим 52 человека из 65, в то время как среди лиц старше 25 лет их оказалось 23 человека из 25. Это вполне предсказуемые данные, так как распространение исламской идентичности вглубь и вширь – довольно характерное явление для мусульманских народов России. Например, 63,3% казахов России назвали себя верующими, а 89% отнесли себя к мусульманам [24. С. 96]. Сходные цифры были получены и при изучении первичной религиозности татар Республики Татарстан, среди которых к верующим мусульманам отнесли себя более 89% респондентов [25. С. 9], а также у студентов татарской и башкирской национальностей в Уфе, среди которых к верующим отнесли 48,8 и 69,2% респондентов соответственно [26. С. 65].

Религиозные убеждения, представления и обряды кумыков и ногайцев (по данным интернет-опроса)

Религиозные убеждения, представления и обряды	Кумыки и ногайцы, чел.	Кумыки, чел.	Ногайцы, чел.
Верующие	75	45	30
Коллеблющиеся	12	2	10
Неверующие	1	0	1
Относят себя к мусульманам	82	42	40
Не относят себя ни к какой религии	1	1	0
Празднуют Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, так как считают эти праздники священными	75	43	32
Празднуют Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, так как это принято в семье и народе	10	2	8
Считают Иисуса Пророком	78	42	36
Считают Иисуса Богом	2	1	1
Считают Иисуса обычной исторической личностью	4	2	2
Посещают мечеть каждый день	1	1	0
Посещают мечеть каждую пятницу	22	14	8
Посещают мечеть 1 раз в месяц	7	3	4
Посещают мечеть на Курбан-Байрам и Ураза-Байрам	7	3	4
Посещают мечеть очень редко (1 раз за последние 2–3 года)	21	7	14
Были пару раз в мечети	16	12	4
Никогда не посещали мечеть	8	4	4
Обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как считают, что многие из них обладают сверхъестественными способностями	2	0	2
Обращались к магам, колдунам, экстрасенсам ради интереса	9	3	6
Не обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как магия – большой грех	45	30	15
Не обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как они шарлатаны	21	11	10

Показательно, что наибольший уровень первичной религиозности (категория верующих) показали кумыки – народ, компактно проживающий на востоке Северного Кавказа (Республика Дагестан), в отличие от ногайцев, ареал проживания которых имеет более сложную конфигурацию. Неверующих среди кумыков совсем не оказалось. Вообще именно народы Дагестана и Чечни традиционно демонстрируют крайне высокую степень религиозности в постсоветских социологических исследованиях. Например, 83,3% студентов дагестанских вузов отнесли себя к верующим мусульманам [25. С. 9]. Касательно Дагестана с его чрезвычайной этнической пестротой, столь высокий уровень религиозности объясняется особой транснациональной ролью ислама в регионе, который как бы «сглаживает» воз-

можные межэтнические конфликты общностью духовной. Ещё одна причина обозначившихся различий заключается в разнице между шафиитской правовой школой, которой придерживаются большинство кумыков, и ханафитским мазхабом. Известно, что именно ханафитская школа наиболее терпимо относится к местным традициям и обычаям – адату, что и предопределило успех данной школы особенно среди тюркских кочевых народов. Ханафитский мазхаб – также наиболее лояльная школа по отношению к иудеям и христианам [27; 28. С. 737].

Больше среди кумыков, по сравнению с ногайцами, и тех, кто празднует Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, считая их священными. По обрядовой и догматической части религиозность опрошенных респондентов обеих

групп практически совпадает. Например, значительный перевес оказывается на стороне тех, кто считает Иисуса Пророком и у кумыков, и у ногайцев. В равной степени на мировоззрение этих народов оказывают влияние христианское православие и секуляризм-атеизм: некоторая часть респондентов считают Иисуса Богом, следуя, таким образом, за христианскими представлениями, или обычной исторической личностью, придерживаясь в известном смысле секулярных взглядов – прямых наследников советского атеистического прошлого.

Среди опрошенных кумыков и ногайцев оказывается примерно одинаковая доля лиц, посещавших мечеть хотя бы пару раз в жизни (40 и 34 респондента соответственно). Получается, что различия в первичной религиозности у данных народов не всегда имеют под собой более глубокую основу из системы обрядов и представлений. Позиция более высокой религиозности, исходя из самоопределения, зависит по большей части от эмоциональной составляющей и редко затрагивает обрядовую и мировоззренческую сторону ислама. В некотором роде первичная религиозность кумыков – это «пафос» отношения к исламу, за которым не во всех случаях стоит полноценная религиозная практика. В этом смысле реальная матрица духовной жизни оказывается открытой поискам, внешним влияниям, заимствованиям (в том числе из православия и неоязыче-

ства). Мировоззрение кумыков и ногайцев – это не жёсткая система, а достаточно подвижный, живой пространственно-временной континуум, в котором нет строго определённых и ожидаемых связей и соотношений. Высокая первичная религиозность, например, не всегда влечёт за собой соответствующий высокий уровень обрядности или компетенции в сфере догматики.

Различия между опрошенными кумыками и ногайцами проявляются особенно очевидно только на уровне неоязыческих представлений, а именно при ответе на вопрос об обращении к колдунам, магам и экстрасенсам. Среди опрошенных ногайцев к ним обращались 8 респондентов (против 3 человек у кумыков). Как мы уже отмечали, сохранность таких представлений имеет глубокие исторические корни у изучаемых народов и связана с культом «исламизированного» шаманства.

Таким образом, исследование показало, что мировоззрение части кумыкских и ногайских респондентов можно считать полисинкретичным, так как в их ответах обнаруживаются элементы, заимствованные из представлений христианства и атеизма, а также архаичные пережитки, и всё это на фоне высокого уровня исламской первичной и обрядовой религиозности. Особенно это заметно у ногайцев, что определяется рассеянным расселением данного этноса, а также общей либеральностью ханафитского мазхаба по сравнению с шафиитским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева С.Б. Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 8. С. 3–8.
2. Таевский Д.А. Синкретические религии и секты. Словарь-справочник. М. : INTRADA, 2001. 160 с.
3. Абдулаева Э.С. Синкретизм духовной культуры: взаимосвязь общего и особенного : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Майкоп, 2007. 22 с.
4. Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отрицания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1974. 356 с.
5. Капустин Н.С. Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства). М. : Мысль, 1984. 222 с.
6. Яблоков И.Н. Кризис религии в социалистическом обществе. М. : Знание, 1974. 64 с.
7. Гёзалин И.Г. Трансформация религиозности // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 1 (101). С. 152–157.
8. Мчедлов М.П. Религиозная ситуация в России: реалии, противоречия прогнозы // Свободная мысль. 1993. № 5. С. 52–62.
9. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103.
10. Пейкова З.И. Религиозный портрет студента // Высшее образование в России. 1999. № 5. С. 109–115.
11. Грашевская О.В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 5 (73). С. 57–68.
12. Идиатуллов А.К. Религиозность карачаевских студентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 718.
13. Миронова Н.П. Религия в системе самоидентификации студенческой молодежи Республики Коми (по материалам социологических исследований 2007 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 75–79.
14. Павлов Б.С. К вопросу о религиозности уральских студентов // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. Т. 19, № 24 (151). С. 104–109.
15. Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 78–88.
16. Gunn T.J. The Complexity of Religion and the Definition of "Religion" in International Law // Harvard Human Rights Journal. 2003. Vol. 16. P. 189–215.
17. Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
18. Вовченко В.А. К вопросу определения уровня, степени и характера религиозности православного населения России (на основе опроса студентов вузов г. Орла) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2008. № 3. С. 84–87.
19. Почепцов С.С. Религиозные субкультуры: проблема взаимосвязи с субкультурными религиями // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. Вып. 16, № 8 (103). С. 104–109.
20. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 388 с.
21. Гусейнов Ю.М. Адат и шариат в семейном и общественном быту кумыков в XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012. 27 с.
22. Сызранов А.В. Исламизированное шаманство у казахов и ногайцев-карагайцев нижней Волги в XIX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 47–54.
23. Гмыря Л.Б. Обряды вызова дождя в традиционной культуре тюркоязычных народов прикаспийского Дагестана (кумыки, ногайцы, терекеменцы, азербайджанцы г. Дербента) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010. № 3. С. 103–124.

24. Идиатуллов А.К. Религиозность казахов России в начале XXI в. // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 95–98.
25. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Russian Review. 2005. № 3–4. С. 9.
26. Идиатуллов А.К. Религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 63–66.
27. Логашова Б.Р. Ханафиты // Народы и религии мира : энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 849.
28. Пучков П.И. Ислам // Народы и религии мира : энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 734–739.

Idiatullov Azat K. Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). E-mail: AzKoIdi-at@yandex.ru

SINKRETIZM RELIGIOSITY OF KUMYKS AND NOGAIS AT THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY.

Keywords: sinkretizm religiosity; Kumyks; Nogais; Islam.

In work the general tendencies of the attitude of Kumyks and Nogais to Islam, paganism, atheism and Christianity are analysed. The basis of work was formed given Internet poll, and also by publications of the theological plan of these people. In total 48 Kumyks and 42 Nogais have taken part in poll. Questions of Internet poll consider not only religious self-identification of respondents, but are directed to identification of degree of an involvement interrogated in Islamic, traditional Turkic, pagan and orthodox cultures. Kumyks and Nogais – the people of Turkic group of the Altai language family which believers practise Sunni Islam. Most of Kumyks belong to a shafiitsky mazhab, and most of Nogais to hanafitsky. Kumyks compactly in the Republic of Dagestan. Most of Nogais live in Dagestan, Karachay-Cherkessia and Stavropol Krai. Religiosity of Kumyks and Nogais often drew attention of scientists. Sinkretizm motives in the publications devoted to religious representations of Kumyks and Nogais are traced regularly. Many archaic ceremonies canonized by local Muslim spiritual figures are executed in the Kumyk and Nogai environment now. The analysis of questionnaires shows that primary religiosity of respondents is at very high level. Most of respondents carry themselves to Muslims and believers. The largest level of primary religiosity was shown by Kumyks – the people which are compactly living in the east of the North Caucasus unlike Nogais whose area of accommodation has more difficult configuration. Among Kumyks there are no non-believers. High level of religiosity of Kumyks is explained by a special transnational role of Islam in multinational Dagestan, it levels the possible interethnic conflicts. One more reason of distinctions consists in a difference between shafiitsky legal school and a hanafitsky mazhab. By ceremonial and dogmatic part, religiosity of respondents of both groups coincides. Equally Christian Orthodoxy and atheism exerts impact on outlook of these people. The author considers that distinctions in primary religiosity at these people not always have under themselves deeper basis from system of ceremonies and representations. The outlook of Kumyks and Nogais is not rigid system, but a live existential continuum in which there are no strictly certain communications. High primary religiousness not always involves the appropriate high level of ceremonialism or competence of the sphere of dogmatics. Distinctions between the interrogated Kumyks and Nogais are shown especially obviously only at the level of pagan representations. 8 of Nogais and 3 of Kumyks addressed sorcerers and magicians. Safety of these representations has deep historical roots at these people and is connected with a cult of the "islamized" shamanism. In answers of the Nogai respondents polysyncretism is more obviously shown, is defined by scattered moving of this ethnos, and also the general liberal views of a hanafitsky mazhab in comparison with shafiitsky.

REFERENCES

1. Vasilieva, S.B. (2010) Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost' v sovremennom mire [Traditional and non-traditional religion in the modern world]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta – The Buryat State University Bulletin*. 8. pp. 3-8.
2. Taevskiy, D.A. (2001) *Sinkreticheskie religii i sekty* [Syncretic religions and sects]. Moscow: INTRADA.
3. Abdulaeva, E.S. (2007) *Sinkretizm dukhovnoy kul'tury: vzaimosvyaz' obshchego i osobennogo* [Syncretism of spiritual culture: General and special relationships]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Maykop: Adygskiy gosudarstvennyy universitet.
4. Kudryashov, G.E. (1974) *Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti: opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashy* [Dynamics of polysyncretic religiosity: The experience of the historical-ethnographic and sociological study of the genesis, evolution and regression of religious vestiges among the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvashiya Book Publ.
5. Kapustin, N.S. (1984) *Osobennosti evolyutsii religii (na materialakh drevnikh verovaniy i khristianstva)* [Peculiarities of the evolution of religion (a case study of ancient beliefs and Christianity)]. Moscow: Mysl'.
6. Yablokov, I.N. (1974) *Krizis religii v sotsialisticheskoy obshchestve* [The crisis of religion in a socialist society]. Moscow: Znanie.
7. Gezalyan, I.G. (2011) Transformatsiya religioznosti [Transformation of religiosity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 1(101). pp. 152-157.
8. Mchedlov, M.P. (1993) Religioznaya situatsiya v Rossii: realii, protivorechiya prognozy [The religious situation in Russia: Realities and controversies, forecasts]. *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 52-62.
9. Kublitskaya, E.A. (1990) Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost': opyt sotsiologicheskogo izucheniya [Traditional and non-traditional religiosity: Experience of the sociological study]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 95-103.
10. Peykova, Z.I. (1999) Religiozny portret studenta [The religious portrait of a student]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 5. pp. 109-115.
11. Grashevskaya, O.V. (2014) Study of students' attitude to religion. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 5(73). pp. 57-68. (In Russian).
12. Idiatullov, A.K. (2014) Religiosity of Karachai students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. p. 718. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/11
13. Mironova, N.P. (2009) *Religiya v sisteme samoidentifikatsii studencheskoy molodezhi Respubliki Komi (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy 2007 g.)* [Religion in the system of self-identification of the Komi Republic students (based on sociological surveys of 2007)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestiya: Herzen University Journal of humanities and Sciences*. 92. pp. 75-79.
14. Pavlov, B.S. (2014) K voprosu o religioznosti ural'skikh studentov [On the religiosity of the Ural students]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Izvestia VSTU*. 19(24). pp. 104-109.
15. Sinelina, Yu.Yu. (2009) Stages in the religiousness changes in the Russia's population (1989–2006). *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 4. pp. 78-88. (In Russian).
16. Gunn, T.J. (2003) The Complexity of Religion and the Definition of "Religion" in International Law. *Harvard Human Rights Journal*. 16. pp. 189-215.

17. Kazmina, O.E. (2007) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v sovremennoy Rossii (etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problema)* [Russian Orthodox Church and the new religious situation in Russia today (the ethnoconfessional component of the problem)]. Abstract of History Doc. Diss. Moscow: Moscow State University.
18. Vovchenko, V.A. (2008) K voprosu opredeleniya urovnya, stepeni i kharaktera religioznosti pravoslavnogo naseleniya Rossii (na osnove oprosa studentov vuzov g. Orela) [On determining the level, extent and nature of the Russian Orthodox religiosity of the population (based on a survey of university students from Orel)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 84-87.
19. Pocheptsov, S.S. (2011) Religioznye subkul'tury: problema vzaimosvyazi s subkul'turnymi religiyami [Religious subcultures: The problem of the relationship with the subcultural religions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16(8). pp. 104-109.
20. Gadzhieva, S.Sh. (1961) *Kumyki. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Kumyks. The historical and ethnographic research]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
21. Guseynov, Yu.M. (2012) *Adat i shariat v semeynom i obshchestvennom bytu kumykov v XIX – nachale XX v.* [Adat and Shariah in family and social life of the Kumyks in the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University.
22. Syzranov, A.V. (2010) Islamicized Shamanism among the Kazakh and Karagash Nogai of the Lower Volga River Area in the 19th and Early 20th Centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 47-54. (In Russian).
23. Gmyrya, L.B. (2010) Obryady vyzova dozhdya v traditsionnoy kul'ture tyurkoyazychnykh narodov prikaspiyskogo Dagestana (kumyki, nogaytsy, terekemtsy, azerbaydzhantsy g. Derbenta) [Rain calling rituals in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of the Caspian Dagestan (Kumyk, Nogai, Terekeme people, Azerbaijani Derbent)]. *Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii*. 3. pp. 103-124.
24. Idiatullov, A.K. (2015) Religiosity of Russia's Kazakhs in the early 21st century. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 4. pp. 95-98. (In Russian).
25. Lunkin, R.N. & Filatov, S.B. (2005) Statistika rossiyskoy religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: Magic numbers and ambiguous reality]. *Russian Review*. 3–4. p. 9.
26. Idiatullov, A.K. (2015) Religiosity of the Ufa city student (a case study of Bashkirs and Tatars). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 63-66. (In Russian).
27. Logashova, B.R. (1998) Khanafity [Hanafiyah]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. p. 849.
28. Puchkov, P.I. (1998) Islam [Islam]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 734-739.